

Правоведение

УДК 343.2

И.А. Архенгольц

НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЕТА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Рассматривается общая тенденция к индивидуализации уголовно-правового подхода к преступнику и исследование личности виновного как способ реализации принципов справедливости и гуманности. В статье анализируется степень индивидуализированности квалификации уголовно наказуемого деяния, назначения наказания, назначения исправительного учреждения. Делается вывод о том, что в перечисленных сферах у правоприменителя имеется достаточно инструментов для того, чтобы максимально учесть личность преступника для достижения целей уголовного закона. Далее рассматривается институт судимости, его уголовно-правовые и общеправовые последствия. В результате делается вывод, что судимость остается одной из немногих уголовно-правовых сфер, где учет личности преступника остается на крайне низком уровне, и предлагается авторский взгляд на данную проблему. Кроме того, дается оценка эффективности некоторых положений рассматриваемого института, в частности, указывается на необходимость наличия института судимости в российском уголовном законодательстве, а также предлагается внести элементы учета личности при применении положений данного института. В заключение отмечается важность перестройки института судимости в соответствии с демократическими принципами.

Ключевые слова: уголовное право, справедливость, судимость, личность преступника, принцип справедливости и гуманности.

Личность и уголовный закон

Преступность, являясь продуктом цивилизации, всегда была и будет одной из угроз человеческому обществу. Государство как гражданский институт, обеспечивающий организованное сожительство индивидов и берущий на себя функции по охране и защите своих членов, проводит уголовную политику, направленную на борьбу с преступностью. Осуществление мер по предупреждению, пресечению и преследованию преступлений базируется на строгом соблюдении законов. Последние представлены Уголовным, Уголовно-процессуальным, Уголовно-исполнительным кодексами и рядом федеральных законов и других нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность правоохранительных органов государства.

Деятельность по борьбе с преступностью во всех направлениях и на всех стадиях в обязательном порядке сопровождается изучением личности деликвента, поскольку именно понимание внутренних причин, мотивировки и целеполагания преступных элементов позволяет проникнуть в природу правонарушений и эффективно противостоять преступности. Чем больше совершенствуется система мер борьбы с преступностью, тем более индивидуальный подход к личностным особенностям индивида требуется. Существуют дисциплины, ориентированные на исследование именно субъективной стороны совершения преступных деяний: криминология, судебная психиатрия, пенитенциарная педагогика, криминальная психиатрия, патопсихология и другие.

Одним из инструментов в борьбе с преступностью является уголовное преследование лица, совершившего деяние, признанное Уголовным кодексом РФ преступным, а именно: правильная квалификация уголовно наказуемого деяния, назначение виновному наказания и исполнение этого наказания, а также приобретение лицом, отбывшего уголовное наказание, особого правового статуса – судимости.

Несмотря на то что достижения наук, изучающих личность преступника, на первый взгляд не находят отражения в уголовном законодательстве, тем не менее Уголовный кодекс РФ содержит положения, применение которых предполагает внимательное отношение к личности деликвента.

Во-первых, это касается квалификации преступления, которая состоит, кроме определения объекта и объективной стороны, в установлении субъекта преступления и субъективной стороны – элементов, непосредственно связанных с личностью виновного. Уголовный кодекс РФ называет условия, наличие которых позволяет привлечь к ответственности лицо, совершившее преступление, и признать его субъектом преступления. Однако одного соответствия лица указанным требованиям не-

достаточно, необходимо выяснить также субъективную сторону преступления. В силу принципа объективно-субъективного вменения, наличие которого позиционируется законодателем и поддерживается большинством ученых, квалификация преступления требует установления вины. Кроме данного обязательного элемента, ряд составов предполагает выяснение факультативных признаков субъективной стороны, таких как мотив, цели и эмоциональное состояние преступника. Это обстоятельство, без сомнения, также предполагает изучение личности преступника и внимательное отношение к его внутренним порывам. Это особенно важно для справедливого разрешения дела, так как зачастую индивид совершает преступление, не вдаваясь в рефлексии и действуя под влиянием комплекса причин и мотивов, не всегда отдавая себе отчет в их наличии.

Назначение наказания в уголовном праве является одним из институтов, для которого индивидуальный подход к личности стал одним из краеугольных камней. Это обусловливается необходимостью максимальной реализации задачи перевоспитания преступника и принципа справедливости.

Во-вторых, в соответствии с Уголовным кодексом РФ при назначении наказания должны учитываться: 1) характер и степень общественной опасности преступления; 2) личность виновного; 3) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 4) влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Из данного положения следует, что законодатель подчеркнул важность изучения личности преступника наравне с другими обстоятельствами, однако все они так или иначе связаны с личностью преступника. Касается это отягчающих или смягчающих обстоятельств, одни из которых непосредственно характеризуют личность (мотив сострадания или садизм), а другие, хоть и относятся только к совершенному преступлению или внешним обстоятельствам (принуждение, условия чрезвычайного положения), тем не менее способствуют оценке личности преступника [1. С. 15].

В-третьих, изучение личности преступника необходимо суду для определения ему вида исправительного учреждения в случае, если суд пришел к выводу о целесообразности назначения наказания в виде лишения свободы. Это обусловлено тем, что на выбор места отбывания такого наказания наравне с другими обстоятельствами влияют пол, возраст, состояние психики и здоровья и личность в целом. Последнее относится к направлению лица в колонию общего режима в случае, когда, по общему правилу, оно должно было отбывать наказание в колонии-поселении, однако суд счел необходимым выбрать учреждение с более суровым режимом (п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ). Данное положение закона вызывает вопрос о том, почему усмотрение суда относится, во-первых, только к ужесточению наказания, во-вторых, только к колонии-поселению и к колонии общего режима. Далее, учет личности виновного имеет место при назначении лишения свободы с отбыванием в тюрьме: законом разрешение этого вопроса оставлено на усмотрение суда (ч. 2 ст. 58 УК РФ).

Существующие в советской литературе предложения об оценке личности преступника для определения его общественной опасности представляются спорными, поскольку современная доктрина исходит из того, что опасно деяние, но не лицо, его совершившее.

Таким образом, можно прийти к выводу, что изучение личности преступника и индивидуальный подход присутствуют на всех стадиях привлечения к уголовной ответственности.

Личность преступника и институт судимости

С судимостью все не так однозначно, независимо от того, считать ли ее стадией реализации уголовной ответственности или нет. Судимость является одним из последствий уголовного преследования за совершенное преступление, и, к сожалению, ее единственную из числа таких последствий не затронул процесс индивидуализации применения ее положений.

Во-первых, отсутствие индивидуализации судимости выражается в том, что лицо считается судимым независимо от вида совершенного преступления и обстоятельств дела только на основании признания его виновным в совершении преступления. То есть судимость императивно следует за каждым фактом осуждения лица к уголовному наказанию и, по сути, безжалостно «клеят» того, кто совершил преступление – будь то неосторожное преступление либо совершенное в первый раз, либо совершенное закоренелым преступником. Помимо того, что такая стигма порождает сугубо отрицательное отношение общества к человеку, закрепленное на правовом уровне, она также влечет так называемые общеправовые последствия, заключающиеся в ограничении прав ранее судимого лица. Случаи, когда суд, назначив наказание, на основании амнистии освобождает от него осужденного со снятием судимости, не могут считаться выражением индивидуализации, так как амнистия объявляет-

ся в отношении неопределенного круга лиц. Кроме того, судимость так или иначе будет иметь место в момент времени между осуждением и объявлением амнистии.

Стремление законодателя обезопасить общество путем недопущения ранее судимых лиц в правоохранительные органы, к занятию определенной деятельностью или обращению с огнестрельным оружием понятно. Однако институт судимости, по нашему мнению, нуждается если не в ликвидации, то, как минимум, в модернизации, особенно в части, очерчивающей круг прав, которые становятся недоступны лицам с непогашенной или неснятой судимостью или лицам, ранее судимым. Тем не менее, думается, что лицо, осужденное за совершение преступления по неосторожности, не заслуживает такой негативной «печати», поскольку совершение уголовно наказуемого деяния в данном случае не усугубляется волевым моментом.

Во-вторых, косность института судимости и его неприверженность тенденциям индивидуального подхода к личности в уголовном праве выражаются в императивности сроков течения судимости, при прошествии которых она считается снятой. Несмотря на градацию этих сроков в зависимости от тяжести совершенного преступления и назначенного за него наказания, они выглядят необоснованными и не подкрепленными какими-либо существенными аргументами. Позиция В.П. Малкова о том, что эти сроки установлены для государственного контроля за деликвентом вплоть до полного закрепления результатов исправления, является несостоятельной [2] не только по причине того, что каждому человеку требуется разное время, чтобы закрепить привычку добропорядочного и законопослушного поведения, но и потому, что педагогический эффект уголовных наказаний не доказан.

Существующая возможность сокращения сроков судимости оставляет многое на усмотрение суда, к тому же законодатель не установил сроков, по истечении которых ранее осужденное лицо могло бы обратиться в суд с ходатайством о досрочном снятии судимости. Единственное условие по толкованию статьи заключается в том, что обращение с ходатайством должно быть произведено после отбытия наказания, но до истечения срока погашения судимости. Следуя такой логике, лицо может обратиться с подобной просьбой по истечении месяца после отбывания наказания, она, разумеется, будет отклонена. Однако эта неопределенность в сроках становится почвой для судебного злоупотребления, и, очевидно, требует законодательного прояснения сроков, для досрочного снятия судимости.

В-третьих, погашение или снятие судимости аннулирует последствия, предусмотренные УК РФ, но не другими федеральными законами. Это значит, что суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей, которые также не могут учитываться при решении вопроса о наличии в содеянном рецидива преступлений. Таким образом, уголовно-правовые последствия судимости имеют четко определенные сроки, тогда как некоторые ее общеправовые последствия в определенных случаях продолжают свое действие независимо от сроков, установленных в ст. 86 УК РФ. К таковым можно отнести лишение права заниматься педагогической деятельностью, права на усыновление (удочерение), пассивного избирательного права, запрет на службу в правоохранительных органах и другие, в которых указан срок действия данных запретов, превышающий сроки судимости, или использовано выражение «лица, имевшие или имеющие судимость» или «наличие снятой или погашенной судимости». По сути, речь идет о том, что лицо, имеющее судимость, до конца жизни лишается некоторых своих прав. По срокам действия данный негативный эффект совершения преступления может сравниться разве что с пожизненным лишением свободы, что не соответствует декларируемым воспитательным целям института судимости.

Разумеется, причины отстранения лиц, совершивших преступление, от должностей в правоохранительных органах, от деятельности с повышенной моральной или материальной ответственностью, более чем понятны. Однако в законах «О прокуратуре Российской Федерации», «О статусе судей в Российской Федерации», «О Следственном комитете Российской Федерации» и других в качестве запрета занимать соответствующую должность указано наличие судимости (имеющейся или имевшейся) вообще, то есть независимо от степени тяжести совершенного деяния и от того, было ли совершено преступление умышленно или по неосторожности. Думается, что круг прав, которых лишается лицо, ранее осужденное или имеющее неснятую или погашенную судимость, можно, во-первых, четко ограничить теми, которые крайне важны для безопасности и благополучия общества, и, во-вторых, вывести эти ограничения из института судимости. Например, в число наиболее важных сфер общественной жизни можно включить службу в правоохранительных и государственных органах, воспитание будущих поколений, взаимодействие с рядом опасных, наркотических, химических

веществ и медицинских препаратов и установить, что к ним не допускаются лица, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию за совершение именно умышленных преступлений.

Вывести эти общеправовые последствия из института судимости можно, указав в виде условия тот факт, что лицо никогда ранее не подвергалось уголовному преследованию за совершение преступления.

В-четвертых, недостаток сроков, установленных в ст. 86 УК РФ, обнаруживается при решении вопросов исключительно технического характера, например, о течении сроков судимости и дополнительных видах наказания. В законе указано, что судимость погашается по истечении указанного срока после исполнения наказания, и не указано, какого именно – основного или дополнительного.

Официальной точки зрения по данному вопросу нет, однако в специальной литературе существуют две позиции по толкованию ст. 86 УК РФ.

Согласно первой позиции, сроки судимости начинают течь после отбытия только основного наказания. Следовательно, возможно, что момент погашения судимости наступит раньше, чем закончится отбывание дополнительного наказания. Для разрешения данной коллизии многие авторы предлагают ввести возможность самостоятельного течения сроков судимости по основному и дополнительному видам наказания [3; 4]. С.Скобелин в качестве паллиативной меры предлагает судам при определении срока дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, при ограничении свободы либо определении срока расщетки штрафа соотносить сроки названных дополнительных наказаний с предполагаемыми сроками погашения судимости исходя из назначенного основного наказания (или условного осуждения) и категории преступления, чтобы не допустить описанной ранее ситуации. Более того, он рекомендует закрепить это на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что, вероятно, станет поводом для пересмотра множества уже назначенных наказаний [5].

С тем, что сроки судимости начинают течь после отбытия основного вида наказания, трудно согласиться, поскольку в ч. 4 ст. 86 УК РФ говорится о том, что при досрочном освобождении осужденного или при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказания. Из этого положения следует, что условием начала течения срока погашения судимости является отбытие наказания, как основного, так и дополнительного.

Вторая позиция относительно сроков течения дополнительных наказаний и судимости заключается в том, что сроки последней начинают течь после отбытия всех видов назначенных наказаний, что еще более негативно сказывается на состоянии виновного лица [6]. Особенно это характерно для случаев, когда суд назначает дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Проблема заключается в том, что содержание наказания, закрепленного в ст. 47 УК РФ, дублирует общеправовые последствия судимости. При назначении данного наказания в качестве дополнительного к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, принудительным работам, лишению свободы оно распространяется на все время отбывания указанных основных видов наказаний, но при этом его срок исчисляется с момента их отбытия (ч. 4 ст. 47 УК РФ). Таким образом, при совпадении содержания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью с общеправовыми последствиями судимости, его отбытие по объему практически никак не влияет на положение осужденного, однако сроки негативных последствий совершения преступления неоправданно увеличиваются.

Все приведенные примеры указывают на то, что институт судимости в виде, представленном в действующем законодательстве, не соответствует современным тенденциям гуманизации уголовного права и индивидуальному подходу к личности преступника и требует совершенствования.

Более того, мы считаем, что вопрос о целесообразности существования института судимости себя не исчерпал. Так, С.С. Степичев, Е.А. Прянишников, П.Ф. Пашкевич в XX в. уже высказывали свое негативное отношение к данному институту и предлагали исключить его из уголовного права [7]. Однако нужно учитывать, что это советские ученые, на мнение которых, разумеется, нужно ссылаться с учетом прошлого законодательства, опираясь на которые они и создавали свои труды [8; 9].

Дело в том, что в российском законодательстве институт судимости базируется на одной из криминологических теорий вины – теории опасного состояния, предложенной Р. Гарофало в 1880 г., согласно которой опасно не деяние, а субъект – носитель «опасного состояния» (цит. по: [10. С. 11-12]). Р. Гарофало и его последователи разделяли всех людей на «нормальных» и тех, у кого предрасполо-

женность к противоправному поведению представлялась заложенной с рождения. Думается, эта теория была подвергнута жесткой критике не только потому, что ее постулаты опровергают практически все научные исследования в области генетики, психологии, социологии, но и в силу своей явной немилосердности, инквизиционного характера и из-за того, что она игнорировала философское и человеческое понимание свободы выбора [11].

Что касается института судимости, то, действительно, он подразумевает, что человек, единожды совершивший преступление, становится опасным для общества и заслуживает применения к нему мер не только в пределах уголовно-правовых последствий, если он вновь совершит преступление, но и в правоотношениях за пределами действия Уголовного кодекса РФ. Между тем еще Н.Н. Таганцев отмечал, что нравственная неисправимость человека проявляется только при совершении похожих поступков, совершаемых по однотипным мотивам: из корысти, склонности к вольнодумию, распушенности и т. п. В целом о личности человека мы судим по его поступкам в их системном проявлении. Если он все время лжет, то, соответственно, считаем его нечестным; если он проявляет жестокость, то можем сказать, что человек жесток [12]. С этой точки зрения преступления разного рода, совершаемые одним и тем же человеком, дают мало данных о чертах его характера. Таким образом, если нет систематических проявлений тех или иных преступных наклонностей, нельзя делать вывод об опасности человека для общества.

Если рассмотреть историю возникновения института судимости, то он был введен в уголовное законодательство в начале XX в. как инструмент, удобный для государства с авторитарным режимом и позволяющий бороться с противниками такого политического строя. В царской России, например, в Уголовном Уложении 1903 г., о каких-либо последствиях судимости речи не шло; лишь в некоторых случаях она рассматривалась какотягающее обстоятельство. СССР больше нет, Российская Федерация давно провозглашает следование демократическим идеалам и гуманное отношение к личности, однако данный институт, пережиток прошлых репрессий и авторитарности, остался. В наше время его существование частично оправдано из-за высокого уровня криминогенности, однако мы убеждены, что данный институт требует если не устранения, то глубокой перестройки и переосмысления его сущности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцензон А.А. Уголовный закон и личность преступника. М.: Знание, 1968.
2. Малков В.П. Повторность преступлений. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991.
3. Кондалов А.Н. Условное осуждение и механизмы его обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000.
4. Габдрахманов Ф. Проблемы судебной практики, связанные с погашением или снятием судимости при условном осуждении // Уголовное право. 2013. № 2.
5. Скобелин С. Соотношение сроков дополнительных видов наказаний и сроков погашения судимости // Уголовное право. 2014. № 2.
6. Благов Е. О квалификации рецидива преступлений по позитивным признакам // Уголовное право. 2007. № 2.
7. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 3. М., 1970.
8. Сольц А.А. Последствия отбытия наказания и вопросы снятия судимости // Советская юстиция. 1936. № 22.
9. Степичев С. Нужен ли институт судимости? // Социалистическая законность. 1965. № 9.
10. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М.: Спарк, 2000.
11. Фон Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. Ф.Ельяшевич. М., 1903.
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 2. М.: Наука, 1994.

Поступила в редакцию 21.03.16

I. A. Arkhengolts

THE NECESSITY OF TAKING THE PERSONALITY OF A PERPETRATOR INTO ACCOUNT IN APPLYING THE INSTITUTE OF PREVIOUS CONVICTION AS THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE

We consider the general trend towards individualization of the criminal law approach to the criminal investigation and the guilty person as a way of implementing the principles of justice and humanity. The article analyzes the degree in which the qualification of a criminal offense, sentencing and the choice of a correctional institution are individualized. It is concluded that in these areas the law enforcement body has a sufficient number of tools to take into account as

much as possible the identity of the offender in order to achieve the objectives of the criminal law. Next, the institute of previous conviction, its penal and general legal consequences are considered. As a result, it is concluded that criminal record is one of the few areas of criminal law where the personality of the offender is still taken too little into account, and the author's view on this issue is presented. In addition, an assessment is given of the effectiveness of certain provisions of the institution. In particular, it is noted that it is necessary for the Russian criminal law to provide for the institute of previous conviction and it is proposed to include and take into account the individual elements when applying the provisions of this institute. In conclusion, the importance of restructuring the institute of previous conviction in accordance with democratic principles is emphasized.

Keywords: criminal law, justice, criminal records, identity of the offender, principle of justice and humanity.

Архенголец Илона Аркадьевна, аспирант

Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: nataniel.river@gmail.com

Arkhengolts I.A., postgraduate student

Ural State Law University
Komsomolskaya st., 21, Yekaterinburg, Russia, 620137
E-mail: nataniel.river@gmail.com